

ДВЕРИ РАСПАХНУТЫ НАСТЕЖЬ

УЖЕ САМИМ названием повести В. Каверина «Загадка» задается необходимость разрешать жизненные противоречия. Всегда чувствовал: тайна сопутствует истинному эстетическому, глубинному. Умом постигаю всю логическую завершенность формы и «просчитанную» недосказанность. Эта повесть, говоря словами самого Каверина, дом, в котором много комнат, и двери каждой распахнуты настезь. Чем дышат стены этих комнат? Нежностью, гневом, беспощадностью? Чем?

Героиня повести, добрая Галина Петровна, учительница, по кличке «тетушка Ло» (лошадь), с лиловатым лицом, одинокая и неустрашенная — единственная привязанность — дети и школа, — посещает своих питомцев: Олега Рязанцева, сына начальника электростанции, широкоплечего красавца в дорожной «кандиде» (идет на медаль, назначен на Институт международных отношений, потому и ходят к нему учителя, репетируют частным образом). «Холодный дом», — делает вывод героиня.

А вот Галина Петровна у Пети Бугаева, мальчика с мясистым звероподобным лицом: ждут не дождутся учителя, когда Петя уйдет в ПТУ. На глазах учительницы пьяный отец хлещет кнутом сына, стоящего на коленях с поднятыми в обеих руках блюдами, наполненными водой.

Позднее, уже дома, проклиная себя, «тетушка Ло» вспомнит эту «отвратительную сцену» и скажет, сомневаясь: в этой сцене «было что-то безнравственное, заставляющее думать, что сын, в сущности, недалеко ушел от отца».

Я читал эту фразу много раз. Что это — редакторская ошибка? Или кредо? На глазах учителя вершится чудовищное, а она — «что-то»? Может быть, Каверин лишь подтвердил то, что традиционно развешивается в литературе: заложенные в детстве злорадия или ласка потом участвуют в тот фундамент, на котором

строятся семья, общество. Неужто свинцовая мерзость всегда будет в Бугаеве-младшем?

Каверин как бы восстает (это я потом понял) против такого линейного, однозначного мышления. Гражданский смысл литературы — неприменный бунт против мерзости. Писатель будто к богу обращается: «Дай мне сил быть жестоким и непримиримым ко всем мерзостям, созданным тобой». Эти слова из записной книжки Э. Казакевича однажды процитировал Вениамин Каверин, должно быть, они ему близки.

Я невольно вспоминаю размышления М. Бахтина над авторитарными словами, которые в литературном творчестве не изображают, а деспотично, бескомпромиссно передают жесткую истину: инертно, безразлично, с чопорной обособленностью. В приведенной садистской сцене фокус: вывернуты наизнанку этика и обычная правда, может быть, потому и каверинская авторитарная безапелляционность вдруг воспринимается мной как обновленно обнаруженное противоречие, как проклятие, которое носится в воздухе над нами, и в первую очередь над школой и семьей: что бы вы ни делали, а пока стоят вот так рядом отец, сын и учитель, вот так ненавидяще разят друг друга, пока вот так разрушается ответственность — разобщенность будет расти.

Обратимся к другой сцене, которую наблюдает Галина Петровна из окна школы.

Старшеклассник Паша Перов, художник, талант, влюбленный в Нину Порошину, написавший ее портрет «На задумчивом, слегка порозовевшем лице лежала волшебная прозрачная тень, которая как бы одновременно и существовала и не существовала. Таинственно ступаясь, она лежала на верхней части лица, на опущенных глазах, и вы

НАСТЕЖЬ

Повесть. Журнал «Октябрь», № 1. 1984.

чувствовали, что она непреодолимо, неотразимо нужна. Зачем? Кто знает. Какая глубинная диалектика символических иносказаний! Петя Бугаев оскорбляет Нину непростойм словом, и Паша Перов вступает за честь школьной красавицы. Жесткая драма. И снова неоправданная педагогическая гнусность: «училка» спокойно наблюдает кровопролитие.

Я решаю: должно быть, это тоже литературный прием, этакая «костраненность», или «амбивалентность», или еще какая-нибудь изысканная тонкость, когда художнический кувырок вдруг обертывается двумя-тремя сальто-мортале, и уже семантические выражи передают совсем иной смысл — все может быть у такого большого мастера, каким является В. Каверин. Меня интересуют проблемы учительского труда. А здесь они, может быть, и вопреки замыслу, обнажили совершенно новые глубины. Зияющие. Может быть, действительно вот так по-каверински соединяются в добром человеке несовместимые противоположности: жестокость и нежность.

Двери распахнуты настезь... Думаю и так: а что, собственно, может сделать милая, тонкая, нежная, добрая Галина Петровна, у которой нет ничего в жизни, кроме этих сердечных забот о детях?! Может ли она

повлиять на жизнь Олега Рязанцева, который, с презрением взглянув, прошел мимо дерущихся? Может ли «тетушка Ло» изменить что-либо в жизни Пети Бугаева, который порывается вдруг понять Галину Петровну: «Галина Петровна, завтра я вам тоже цветы принесу». «Нет, Бугаев, я от тебя цветы не возьму». Как может повлиять Галина Петровна на мысли и чувства осмеянного Паши Перова, влюбленного в Нину, которая в отместку Олегу, должно быть, решила провести время с юным художником Пашей Перовым, который погибает, бросившись на зов Нины: кто-то ночью разрезал на куски ее портрет с волшебной тенью — кто, Бугаев? Олег Рязанцев? Загадка! Да и какая разница — кто! Портрет с прозрачной тенью — символ идеального, этот портрет растерзан, когда Нина спала, и не восстановить больше никогда этого портрета, потому что будущий великий художник Паша Перов унес с собой тайну мерцающей тени, которая как бы одновременно и тень, и свет! Вот оно то, что ведет к постижению философии автора «Загадки» и к некоторым ответам на загадочные философские проблемы сегодняшнего воспитания.

Реформа современного образования, помимо прочих, будет решать проблема духовного обновления школы (взрослых и детей) — и это в центре каверинской повести. Вопрос стоит так: могут ли быть осуществлены педагогические преобразования, если нравственно и профессионально не подготовлен тот, кто их осуществляет.

Я понимаю, сколь обнаженно я ставлю вопрос, но другой постановки в такой важной сфере, как воспитание, быть не может. В свое время А. В. Луначарский на этот вопрос ответил, как бы полемизируя с философом, Фихте (Фихте говорил: какой смысл воспитывать гармоничных людей для дисгармоничного общества, да и кто воспитает?); разорвать замкнутый круг можно только одним способом — преобразованием духовные в самой личности должны совпадать с преобразованием обстоятельств. Каверин затронул важнейшую проблему школьного дела. Он подвел нас к подножию нравственных вершин. Он верит в молодое поколение: «все эти Нины, Олеги и Паши — в сущности, прекрасные люди, которые инстинктивно ждут, что мы им напомним...» А о чем? Кстати, в этом перечне прекрасных людей автор не назвал Петю Бугаева. Может быть, это прием? Вспоминаю: нередко мне удавалось пробудить в детях нравственную энергию. Я знал — есть такая правда, которую я нес в себе и во что бы то ни стало готов был ее утверждать (чего б это ни стоило: жизни, унижений и даже смерти — эти слова Ушинского так запали в душу!), и, подкрепивая, удавалось пробудить великий созидательный порыв в каждом ребенке, в каждом педагоге.

Есть высшие ценности. Из них самая важная — справедливая защита слабых, униженных, оскорбленных. И когда эта ценность высвечивалась и все убеждались, что я готов был идти вопреки всему и защищать ее, — тогда и все шло за мной. И распахивались не двери комнат — сердца.

Я вдруг, может быть, вопреки каверинской логике, оказываюсь на стороне Пети Бугаева. Мне кажется, это единственный правильный ход нравственного мышления.

Не побоюсь сказать: школа — как битва. И выигрывается битва не только числом кабинетов, технических средств, количе-

ством компьютеров, кинокамер и телеустановок. Многие решает дух школьного войска. Мудрость документа о школьной реформе состоит в том, что он обращен к духовной ответственности взрослых и детей, обращен к педагогам и к учащимся. Всколыхнуть детские силы, силы молодежи, дать простор их инициативе, их способности чутко и по-доброму решать сложные вопросы своего бытия — вот для чего нужна школьная самодеятельность, которой нет в доме с настезью распахнутыми дверями — современной школе. Она есть, но стала формальной.

Нравственная сила педагогики Каверина состоит в том, что она, являясь «педагогикой борьбы» (Макаренко), выступает против любых проявлений формализма и невежества, ратует за то, чтобы действия учащихся и их учителей были согреты теплом человечности, отвечали бы высоким требованиям духовной культуры.

И еще: Каверин обострил и по-новому поставил проблему педагогического, если можно так сказать, жанра.

По некоторым причинам, чей-то немудрой волей тормозилось развитие педагогического жанра. В свое время мне так и говорили в некоторых изданиях: нельзя писать о школе остро. А какой смысл писать тупо?

Острая, глубинная педагогическая проза — это ключ к решению школьных реформ, это метод привнесения в школу, в семью духовной культуры, без которой не может быть нравственных и социальных преобразований. Мне думается, что сейчас, в эпоху педагогического и социального обновления, настало время помочь развитию педагогического жанра. Необходимо безбоязненное, заинтересованное, бережное вторжение литературы в жизнь школы. Такое вторжение, при котором бы гарантировалось утверждение и развитие нравственных ценностей.